

К новому пониманию текстуального подхода и его значение в исследовании культуры: новые обоснования и критика современных тенденций

Аббуди Мохаммед Аммар Хашим

Студент, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, abbudi@sfedu.ru

Аннотация: В данной статье обсуждается текстуальный подход к культуре. Дается новое понимание и обоснование данного подхода и понятия Текста. Понятие Текста культуры, в данном понимании, перестает быть лишь метафорой для изучения культуры, при этом дается обоснование, в том числе на основе теории познания, для понимания Текста как первичной формы восприятия и конструирования мира, в особенности культурного пространства. Текст понимается не только как статическое пространство, но и как крайне динамическое. Автор обсуждает идеи и аргументы основных направлений и философов, критикующих текстуальный подход и его основания, особое внимание уделяется современной тенденции «возвращение реального», в частности объектно-ориентированной онтологии или спекулятивного реализма.

Ключевые слова: Текст, культура, Текстуальность, теория познания, Текст-культуры, корреляционизм, Объектно-ориентированная онтология, К. Мейясу, Г. Харман, знак, коррелят, вещь-в-себе, визуальный и аудио-визуальный подходы.

Towards a New Understanding of the Textual Approach and Its Significance in Cultural Studies: New Foundations and Critique of Contemporary Trends

Abboodi Mohammed Ammar Hashim

Undergraduate student, Institute of Socio-political sciences and Philosophy, Southern Federal University, abbudi@sfedu.ru

Abstract: This article presents an analysis of the textual approach to culture in philosophy, proposing a new understanding and justification of this approach and the concept of the Text. It provides a brief history of the textual approach in the study of culture and different models of its understanding, along with the philosophical context and foundations of its development. The article also examines the main criticisms of the textual approach and its foundations, with a focus on the "return of the real" trend, represented by object-oriented ontology and speculative realism. The author proposes an original consideration of the theory of knowledge based on Kant's critical philosophy and the theory of signs to address these criticisms, asserting the primacy of the sign or text form in the perception and construction of human reality. The article then critiques arguments against representation and restricting a person's access to things-in-themselves directly, or Correlations, and proposes a new model of the textual approach, claiming that the text is a form of the existence of objects in human reality constructed by a person. This model proposes that culture should be studied as a complex, multi-faceted text, and justifies the understanding of the text as the primary form of perception and construction of the world, including cultural space. The article also emphasizes the dynamic nature of the text. Overall, this article contributes to a deeper understanding of the textual approach to culture in philosophy and its relevance to contemporary debates in the field.

Keywords: Text, culture, textuality, theory of knowledge, Text-of-culture, correlationism, Object-oriented ontology, Q. Meillassoux, G. Harman, sign, correlate, thing-in-itself.

© Аббуди Мохаммед Аммар Хашим (Республика Ирак). abbudi@sfedu.ru. Южный федеральный университет . Южный Полюс 9 (1) (2023) DOI: 10.18522/2415-8682-2023-9-25-37

В современных научных исследованиях развивались различные направления и подходы к пониманию культуры. В настоящее время, после так называемого «Культурного поворота» в философии и социогуманитарных науках в 70-ых годах прошлого века, все больше и больше появляются модели интерпретации и попытки понимания культуры в рамках различных научных дисциплин. Таких дисциплин как философия, социология, культурология, антропология, семиотика и др. В каждой дисциплине есть различные подходы, направления и теории, рассматривающие культуру. А в каждом подходе – свои методологии исследования культуры ее проявлений и феноменов. Эти дисциплины, изучающие культуру, не изолированы друг от друга, а взаимосвязанные, взаимовлияющие и развиваются во взаимодействии между собой.

Данная междисциплинарная проблематика исследования культуры стала одной из основных современных дискуссий. Современные теории культуры в основном развивались под влиянием и в рамках современных философских направлений, таких как историцизм, герменевтика, неомарксизм, психоанализ, структурализм, семиотика, постструктурализм, постколониализм, феминизм и постмодернизм.

В свою очередь, на большинство вышеперечисленных направлений повлияли поворот к языку (в континентальной философии) и лингвистический поворот (в аналитической философии), те тенденции, которые начали появляться со второй половины XIX века и стали характерными для XX века. Это связано с появлением и развитием науки о языке в работах Ч. С. Пирса, Г. Фреге, Э. Гуссерля, Ф. Де Соссюра и др. Их работы и идеи бурно развивались в философии XX века и продолжают развиваться по сей день в философии, литературоведении и т.д.

В этом периоде, в философии XX века, понятия «Текст» и «текстуальность» приобрели доминирующее место и стали одними из наиболее применяемых понятий в гуманитарном дискурсе. Эти понятия или теории также нашли отражение в области исследования культуры.

Разные тенденции в различных научных дисциплинах стали проводить аналогию между культурой и Текстом, а также понимать культуру в форме Текста. Это все стало возможным благодаря развитию понятия (теории) Текста и методов анализа текстов в современной философии и литературоведении в работах таких авторов как: Мартин Хайдеггер, Эрнст Кассирер, Людвиг Витгенштейн, Ханс Гадамер, Поль Рикёр, Жак Лакан, Вальтер Беньямин, Мишель Фуко, Жак Деррида, Ролан Барт, Михаил Бахтин, Роман Якобсон, Юлия Кристева, Юрий Лотман, Жан Бодрийяр, Умберто Эко, Жерар Женетт, Цветан Тодоров и многие другие.

В ходе развития идей указанных авторов понятие Текста, как и понятие языка, расширились и приобрели новые перспективы. Ещё Хайдеггер писал о том, что «мы существуем ... прежде всего в языке и при языке» [1, с. 259]. Там же, в его статье «Путь к языку», мы найдем его известный тезис: «язык есть дом бытия» [1, с. 272]. Затем у Витгенштейна: «границы моего языка означают границы моего мира» [2, с. 182]. А у Деррида: «ничего не существует вне текста» и «все есть текст» [3, с. 46].

Текст понимается в первую очередь как система, сложноорганизованная и многослойная система – знаковая или символическая система, возникающая, как пишет Деррида, «в развертывании и во взаимодействии разнородных семиотических пространств и структур» [4, с. 228].

Итак, в связи с этим развивались тенденции в исследовании культуры в философии, семиотике, антропологии и в других дисциплинах, рассматривающие культуру в форме Текста. Это произошло в основном под влиянием тенденции структурализма.

Также в семиотике, особенно в Тартуско-московской семиотической школе, Юрием Лотманом был разработан подход к культуре как «семиосфера» или Текст. Лотман пишет, что «с точки зрения изучения культуры, существуют только те сообщения, которые являются текстами. Все прочие как бы не существуют и во внимание исследователя не принимаются. В этом смысле можно сказать, что культура есть совокупность текстов или сложно построенный текст» [5, с. 135].

Также мы можем найти похожий подход у американского антрополога и социолога Клиффорда Гирца. Гирц рассматривает культуру как символическую систему значений, а анализ культуры — это «интерпретация символов и объяснение их значений подобно интерпретации текстов» [6, с. 28]. Он предлагает прочтение и интерпретацию «текста культуры», но при этом он использует это лишь как метафору, которая помогает в анализе феномена культуры, той «образной вселенной, внутри которой поступки людей являются знаками» [6, с. 20].

Это продолжается, как мы упомянули, в тенденциях постструктурализма (и так называемого постмодернизма), которые рассматривают мир культуры как некую сумму текстов различного характера. Данный подход стал одним из фундаментальных подходов к пониманию культуры в культурном повороте в XX веке и его влияние продолжается до наших дней.

Текстуальный подход и основные его понятия были обоснованы на определенном философском представлении, или, скажем так, были сформулированы в контексте философской эпистемы, где все вращалось вокруг человека, его способов репрезентаций бытия и его структур, построенных им, и под влиянием которых он находится. Знак, символ, текст, нарратив, дискурс, интертекст и другие понятия представляют собой нечто иное, как способы человеческого представления и замещения действительности, способы репрезентации, моделирования и передачи смысла. Текстуальный подход в исследовании культуры построен на постановке в центре исследования человека и способов его восприятия и построения им новой реальности, культурной реальности, с использованием способов репрезентаций, т.е. знаковых символических образов. Кроме того, важный момент для понимания данного подхода заключается в том, что при чтении, интерпретации или исследовании культуры также центрируется человек, субъект, исследователь, чьи результаты исследования есть только одна интерпретация данных ему объектов или исследованных им текстов. Это также понимается в современном философском контексте отказа от абсолютной истины и единой правильной версии интерпретаций.

Таким образом мы понимаем, что текстуальный подход дает нам модель понимания, с одной стороны, непрерывного процесса формирования культуры человеком в знаково-символической сфере, через его деятельность, создания смыслов, построения систем взглядов и артефактов и т.д., то есть писание текста культуры. С другой стороны, модель понимания процесса чтения, интерпретации, исследования или попыток понимания культуры, субъектом-исследователем, используя разные методы и стратегии. Конечно не все представители данного подхода соглашались с тем, что в процессе формирования культуры, то что мы называли писанием текста культуры, участвует только текстуальная форма или тексты, иначе говоря, что сама культура есть текст или совокупность текстов и не более того. Для таких мыслителей как Гирц и Лотман в культуре присутствуют и такие внетекстуальные факторы, как исторические события, действия и материальные элементы, но эти внетекстовые элементы доступны исследователю только в форме текста, сам текст это «память о тех вне текста находящихся исторических событиях» — пишет Лотман [7, с. 162], т.е. в процессе чтения есть только тексты, символы и знаки, поскольку даже

материальные артефакты культуры есть текст, так как они представляют собой знаки и символы, снабженные смыслами, требующими чтения.

За время развития понятия «текстуальности», так называемый со стороны критиков текстоцентрический подход (текстоцентризм), подвергался критике разными исследователями и на замену ими были предложены новые подходы. Мы вкратце будем подвергать обсуждению основные тенденции и направления в критике идеи текстуальности: например, тенденцию, которая, по нашему мнению, противостоит текстуальности в современной философии и теории искусства, постольку-поскольку она критикует саму основу, на которой строится наш подход. Хэл Фостер – американский художественный критик и историк предлагает назвать эту тенденцию как «возвращение реального» («The return of the real») [8]. Также, иногда, эту тенденцию называют «Новый материализм», но новый материализм можно рассматривать и как одно из направлений данной тенденции. Эта тенденция состоит из множества направлений и проектов современных философов, таких как: Спекулятивный реализм (Квентин Мейясу, Грэм Харман, Тимоти Мортон и др.), Постгуманизм/ингуманизм (Кэтрин Хейлз, Роза Брайдотти, Донна Харроуэй и др.), Акторно-сетевая теория (Бруно Латур, Мишель Каллон, Джон Ло), Виталистический материализм (Джейн Беннетт, Барбара Болт), Акселерационизм (Ник Срничек, Алекс Уильямс, Ник Ланд и др.), Неорационализм (Питер Вульфендейл, Рэй Брасье, Реза Негарестани и др.), Нейроэстетика (Анджан Чаттерджи, Семир Зеки и др.), Теории антропоцена и Теория вещи (Билл Браун, Элизабет Повинелли, Северин Фаулз и др.).

В основе этого поворота возвращения к материальности лежит критика не только текстуального подхода в философии, но и все основные идеи философии, в частности теории познания, модерна и постмодернизма, критика философии от Канта до Деррида, можно даже сказать, от Декарта до Деррида.

Это возвращение не только от текстуальности постструктурализма, но и возвращение от самого субъекта, его систем и структур к чистому «объекту», от так называемого ими корреляционизма к материальности, телесности и объектности самих вещей без субъекта.

Основная идея данной тенденции является критикой особого места, которое занимает субъект в посткантовской философии, или другими словами критика отделения человека от других объектов-вещей, придавая ему особое внимание и исключительное место, при этом ограничивая доступ его познания к самим вещам, самим-по-себе как они есть в действительности. Этот главный кантовский тезис, который не только был принят в современной философии (феноменология, континентальная и аналитическая философия), но и был основой, на которой построена эта философия, заключается в том, что вступая в процесс познания, мы познаем лишь результат отношения нашего субъективного аппарата с внешними вещами, являющимися причинами наших ощущений, а наш аппарат формирует из этих ощущений пространственно-временной опыт, единственный возможный результат познания, т.е. представления, феномена или явления. А сами вещи-в-себе непознаваемы, «мы можем познавать предметы не как вещи в себе, а только как объекты чувственного наглядного представления, т.е. как явления. Отсюда необходимо следует ограничение всякого возможного теоретического знания одними только предметами опыта.» – пишет Кант в критике чистого разума [9, с. 40].

Главный тезис этой тенденции заключен в особенности спекулятивного реализма, в подтверждении наличия у субъекта доступа к вещам самим по себе (*Ding an sich*), т.е. таким, какими они существуют без субъекта или сознания; к тому, что они называют объект или Абсолют (Великое внешнее). Главный представитель спекулятивного реализма Квентин Мейясу формулирует задачу этой философии следующим образом: «найти “потайной ход”... для того, чтобы преуспеть в том, что современная философия уже на

протяжении двух столетий нам преподносит как невозможное: выйти из самих себя, овладеть «в себе», познать то, что существует независимо от того, есть мы или нас нет» [10, с. 34]. Там же Мейясу излагает цель своей философии и пишет «Мы должны постараться понять, как мышление может получить доступ к некоррелированному — к миру, способному продолжать существовать, не будучи данным. Сказать такое означает также, что мы должны понять, как мышление может получить доступ к абсолютному: бытию настолько непривязанному (первоначальный смысл слова «absolutus»), настолько сильно отделенному от мышления, что оно предоставляет себя как безотносительное к нам — способное существовать независимо от того, существуем мы или нет» [10, с. 35].

Таким образом, попытки этой философской тенденции заключаются в полном отстранении субъекта; в том, чтобы строить онтологию, не выражающую отношения мысли к бытию, а выражающую саму действительность независимо от сознания, субъекта, его мысли и идеи о бытии или реальности. Выражать вещи-в-себе и их свойства, вместо представления, структур, знаков, языка, текста и всего, что создается репрезентацией субъекта. Именно здесь заключается главная критика основ текстуального подхода со стороны данной тенденции, и поэтому для обоснования этого подхода необходимо ответить на эту критику.

Данная тенденция критикует текстуальный подход, обвиняя его, как и всю так называемую ими «послекантовскую» философию – «корреляционизм», в отчуждении от реальности самой по себе, и в построении субъективных репрезентативных конструкций.

Как мы видим, используя их собственную терминологию, данная тенденция ставит себе цель создавать новую философию и онтологию чистых объектов – Объектно-ориентированную онтологию, философию. Суть данной философии в исключении субъекта и всякой связанной с ним корреляции в пользу «объекта». Утверждая, что объекты сами по себе имеют реальное существование без какого-либо субъекта, а субъект имеет возможность познать реальность саму по себе или, как говорит Квентин Мейясу, что «мышление при определенных условиях может прорваться к реальности, как она есть сама по себе, независимо от любых актов субъективности. Иными словами, я настаиваю на том, что Абсолют – то есть абсолютно автономная от субъекта реальность – может быть помыслен субъектом» [11, с. 1].

Также утверждается, что сам субъект есть на самом деле «объект», поэтому здесь отношения между субъектом и объектом рассматриваются как «отношения между объектами» как утверждает Грэм Харман [12, с. 9].

Итак, до того, как подвергать обсуждению основные аргументы представителей этой тенденции, в особенности, объектно-ориентированной онтологии или спекулятивного реализма, предлагаю начать с изложения нашей позиции в теории познания, на которой строятся наши ответы на представленную критику.

Во-первых, начнём с замечания на использованную ими терминологию, по нашему мнению, нельзя называть вещи-в-себе (вещи сами по себе независимо от субъекта и не воспринимаемые им в опыте) объектом, поскольку субъект не имеет к ним доступ (на это доказательство будет далее), а объектом можем назвать только те предметы, которые даны нам в опыте и составляют наш мир или нашу реальность. Вслед за Кантом мы называем объектом только то, что воспринимается субъектом в процессе познания, те образы, которые даны субъекту (вещи-для-нас), а те внешние причины, вызывающие ощущения или предоставляющие условия опыта, можем назвать, во избежание неясности и подмены терминов, как вещи-в-себе. В чем отличие этих объектов, данных нам в процессе познания, от вещей-в-себе, того немислимого, что не дается субъекту? Ответом на этот вопрос и служит главный тезис кантовской критической философии, состоящий в том, что мы должны понимать, что восприятие и познание происходит через субъективную структуру, систему фиксации и организации данных ощущений, то, что Кант называл рассудком и его

категории, которые представляют из себя субъективные условия познания. А результаты процесса познания, т.е. феномены или явления, являющиеся объектами познания, формируются в субъективных условиях восприятия, внутри сознания человека (явленные нами феномены сознания) и в соответствии с его правилами. Итак, вещи-в-себе являются только внешними условиями познавательного опыта, вызывающие этот опыт, и лишь на основе этого предполагается их существование, но и также полностью отрицается доступ субъекта к ним, так как мы не можем познавать без нашего познавательного аппарата, который устроен определённым образом, без нашего сознания и его условий, которые формируют образы представления, т.е. феномены. Следовательно, по нашему мнению, назвать объектом можно только то, что дается или осознается субъектом, т.е. объекты сознания.

Это было важное замечание для понимания того, что они (в особенности Мейясу и Харман) называют объектами то, что автономно от субъекта и его мышления, и что находится в независимости от того, существует субъект или нет; они подразумевают под этим именно вещи-в-себе, а не о объекты нашего мира или нашей реальности (я использую местоимение «наш» для обозначения данных субъекту феноменов той реальности, где он живет, взаимодействуя с ее объектами). А когда они говорят о субъективных коррелятах, то имеют ввиду данные субъекта в опыте знания (т.е. объекты-для-нас).

В ходе ответа на их критику под понятием Субъективности мы подразумеваем то, что дано субъекту как результат процесса познания, т.е. феномены или явления, то, что предпочитаем назвать объектом, или с ненужным, по нашему мнению, дополнением как объекты-для-нас, поскольку, исходя из вышеизложенного, объект всегда есть только для нас в отличие от вещи-в-себе. А Объективность, которую они используют как независимое от субъекта бытие, т.е. вещи-в-себе, та объективность, которую пытаются охватить спекулятивно – есть не отношения субъекта к бытию вещей, а то, как существуют вещи в действительном бытии по ту сторону субъекта.

Во-вторых, мы представляем, вкратце, нашу модель теории познания, которая основана на кантовской теории познания и представляет собой продолжения критической философии, феноменологии и теории Ч. Пирса о теории знаков и «фанероскопии», но в другом формате, а именно - в текстуальном.

В процессе познания, когда мы вступаем в отношение с внешними причинами наших ощущений (вещи-в-себе), происходит замещение этих внешних факторов (вещей) репрезентациями, конструируемыми сознанием (субъектом и его познавательном аппаратом). Эти репрезентации представляют собой образы представления, т.е. феномены, явления, «фанероны» или объекты сознания (вещи-для-нас).

Следовательно, феномены сознания или те доступные внутренние образы в сознании субъекта замещают собой то, что недоступно нашему сознанию (внешние в-себе), замещают не формулируемое в наших условиях представления; другими словами, замещают то, что мы должны заключать в скобках навсегда, поскольку не имеем другой доступ к ним, кроме как через их замещение другими репрезентациями, т.е. объектами сознания.

Из этого можно вывести, что образы сознания или объекты, феномены или «фанероны», есть ничто иное как знаки. Так как Знак — это нечто, заменяющее некое другое и репрезентирующее его. Если говорить о Знаке как таковом, то Знак понимается, в первую очередь, как репрезентант или репрезентамен.

Итак, из того, что представления, образы сознания или объекты, феномены или «фанероны», а другими словами – то, что получено субъектом как результаты восприятия и познания, исходя из вышесказанного, есть нечто заменяющее те недоступные сами по себе причины, которые запускают процесс познания, а так же принимая во внимание

указанное нами общее определению знака, следует, что эти доступные субъекту результаты есть своего рода Знаки или совокупности знаков.

Мы здесь ограничиваемся общим определением знака в его сущности (или знак как таковой) без необходимых структур и классификаций знаков, для которых нет места в данной работе.

Итак, наш тезис здесь состоит в том, что мы утверждаем первичность знака в процессе восприятия и познания. Первичность следует за тем, что человек, субъект познания, воспринимает действительность только посредством репрезентации и конструирования его в сознании, т.е. посредством знака. Мы можем назвать такого рода знак - первичный знак, или знак-образ представления (т.е. объект, феномен или «фанерон» как первичный знак).

Таким образом, мы можем утверждать, что мир, реальность, воспринимаемая субъектом, есть совокупность знаков и отношения между ними. Реальность – это сумма организованных знаков или система знаков, воспринимаемая, конструируемая и формулируемая субъектом в его столкновении с внешностью, не входящей в его внутреннюю реальность (в сознании), это знаковая текстовая реальность, в которой находится субъект и не может выходить за ее рамки. Мы говорим о первом этапе восприятия и конструирования человеком первичных результатов процесса познания, т.е. первичные знаки, на основе которых конструируются другие более глубокие, комплексные, многогранные и развитые знаки, вступающие в различные отношения, создавая разные структуры и системы, такие как Язык, культура, искусство или научные модели описания и объяснения. Культура – это сложная и многогранная знаковая текстовая реальность, та совокупность сложноорганизованных, многослойных, снабженных смыслами текстов, созданных полностью деятельностью человека.

Итак, после такого сжатого изложения нашего видения теории познания, на которой основывается наша новая модель текстуального подхода, мы возвращаемся к разбору критики со стороны современной философской тенденции «возвращения реального» или по ту сторону субъекта (и человеческих систем и представления вообще) в объектно-ориентированной философии. Мы попытаемся ответить вкратце на данную критику.

Во-первых, со стороны представителей этой тенденции не было представлено ни одного серьезного доказательства, отвергающего «корреляции» или ограниченного доступа познания субъекта. Они, конечно, представляют множество различных аргументов. Основными аргументами являются аргументы Квентина Мейясу, который ставит себе задачу «отвергнуть всякую форму корреляционизма» [10, с. 1]. Он представил нам два основных аргумента. Первый он называет «проблемой архи-ископаемого» или «проблемой доисторического». Суть этого аргумента в том, что научным образом было доказано существование неких объектов до всякой жизни на Земле (до существования субъекта), и это было доказано через архи-ископаемых объектов или через радиоактивные изотопы, света звёзд и т.д. Он показывает, что наука способна воспроизводить суждения о «доисторической реальности», той реальности, существующей до субъективности. Эти суждения обретают форму научно доказанных описаний, в основном математизированные суждения, наличие таких суждений противоречит принципу «корреляционистов». Он приводит такие примеры: «Поскольку нет наблюдателя, пережившего непосредственный опыт формирования Земли — и даже неизвестно, мог ли бы живой наблюдатель пережить этот опыт из-за высоких температур — мы должны удовлетвориться описанием этого события через «величины», то есть математические данные. Например, что началось оно примерно 4,56 миллиарда лет тому назад, что произошло это не мгновенно, а в течение многих миллионов лет — точнее, десятков миллионов, что это заняло определенный объем в пространстве, который изменялся со временем, и т. д.» [10, с. 21].

Наш ответ на этот аргумент будет следующим: во-первых, всякий объект «доисторического» найден человеком (субъектом) и им проведены над ним работы с помощью каких-то методов; воспринимается такой объект субъектом как вещь-для-нас, а не как вещь-в-себе, постольку поскольку он является воспринимаемым объектом. Другими словами, то, что может предшествовать появлению человека, это вещи-в-себе, т.е. не доступные, не данные человеку; а то что дано в материалах архиепископаемого, является объектом (феноменом) или Знаком, ссылающимся на существование в-себе и являющимся предметом интерпретации. Во-вторых, в данном аргументе, и в выше цитируемой части, упускаются многие факторы, играющие главные роли в формировании этих суждений, например для определения времени возникновения событий и их длительности или даже объема в пространстве, проводятся различные операции, посредством наблюдателя современного, а не непосредственного, переживающего эти события, для осуществления этих операций используются различные методы (например, методы определения возраста и т.д.), которые основаны или зависимы от теорий или научных моделей, и только на основе всего этого формируются такие цифры, научные высказывания или суждения.

Придать этим суждениям абсолютную «объективность» или полное соответствие действительности без субъекта, являющимся «свойствами объекта в себе», как утверждает Мейясу [10, с. 8], совершенно не оправдано, поскольку мы понимаем, как работает и развивается наука в соответствии с меняющимися теоретическими моделями или парадигмами ученых (т.е. субъекты науки). Даже ученые давно не приводят такие высказывания, которые предоставляют результатам науки абсолютную истину в независимости от человека: вспомним слова великого физика Нильса Бора о том, что «Неправильно думать, что задача физики состоит в том, чтобы выяснить, как устроена природа. Физика касается того, что мы можем сказать о природе.» [13, с. 10].

Итак, этот аргумент никак не доказывает возможности, даже научным образом, помыслить или проникнуть в вещи до существования субъекта; а это лишь может доказать то, что нечто было до всякой жизни на Земле, и может дать модели интерпретации этого в соответствии с полученными наблюдателем экспериментальными данными. Как это было? И какими они, доисторические вещи-в-себе, являются? Ответы на эти вопросы могут быть только субъективные (речь идет о субъекте познания или научных субъектах и их структурах), полученные через корреляцию и репрезентацию субъекта, и находящиеся в определенном научном нарративе. Под субъективностью здесь не имеется в виду индивидуальная субъективность, а скорее - интерсубъективность, научные эксперименты, опыты, теории и факты относятся именно к последней.

Таким образом, все нарративы о «доисторическом», даже научные нарративы, созданы субъектом, и все доисторические объекты, получаемые субъектом в процессе «архи-ископаемого» или другими методами, в первую очередь есть лишь объект-для-нас (феномен), а не вещи-в-себе; и они обретают смысл лишь в их месте, в том или ином субъективном нарративе (такие доисторические объекты, как означающие, обретают смысл только в отношении с другими означающими).

Также Мейясу упоминает, в качестве аргумента на возможность мыслить реальность саму по себе независимо от субъекта, что научные методы, а именно математизация объектов, даёт нам такую возможность. Для него математика может открывать доступ к реальному, по ту сторону субъекта.

Суть первого и второго аргумента заключается в том, что «все те аспекты объекта, которые могут быть сформулированы в математических выражениях, могут содержательно мыслиться как свойства объекта в себе», – утверждает Мейясу [10, с. 8].

Думаю, слабость этого аргумента ясна; на это, частично, мы выше ответили, что сами научные методы, в том числе прикладная математика, есть субъективные методы организации реальности, той реальности, получаемой нами через опыт и конструированный

нашим сознанием, а абстрактная математика, вне зависимости от объектов, т.е. без содержания, как образец чистого формального мышления, указывает лишь на то, как устроено наше мышление, как мы, как субъекты, мыслим исходя из тех способностей или условий разума, которые нам даны (априори), то есть она не указывает ни на какую иную реальность и ее свойства, кроме свойства нашего разума. А в процессе формирования математических выражений об аспектах объектов и их свойств, математика служит только как язык описания, как система референции, наиболее точно выражающая описания нашего опыта, нежели обыденный язык. Поскольку изменение способа описания этих обнаруженных нами объектов и их свойств не дает права признать описываемые свойства соответствующими вещам-в-себе такими какими они являются без субъекта наблюдателя и описывающего. Здесь можно было вообще ограничиться аргументом Канта, заключающимся в том, что геометрия априорна нашему разуму (т.е. условиям нашего мышления и тому, как оно устроено) и именно поэтому должна быть истиной всего воспринимаемого субъектом, но это не дает нам основания думать, что это истина соответствует вещам в себе, которые мы не воспринимаем.

В качестве основного аргумента у Мейясу – это абсолютизация принципа фактичности, который он называет «фактуальность». Для того, чтобы ответить на этот аргумент, нужно разобрать каждый шаг его доказательства и выявить слабость в процессе опровержения. Это займет длительное время и не является темой данной статьи. Но необходимо сказать, что в данном аргументе есть большие противоречия и неправильное использование понятий, и тем более он ничего не доказывает, кроме богатой фантазии автора.

Итак, ещё в качестве доказательства у данной тенденции используются разные аргументы, взятые из биологии, нейробиологии и т.п. И даже из эстетики, например, как у Грэма Хармана, который утверждает возможность отделения объекта от его качества, как это, по его мнению, происходит в процессе оценивания художественных работ.

Ответы на часть этих аргументов мы уже изложили выше (использование научных методов, соответствующие научные парадигмы ученых), а у Хармана и других представителей различных направлений этой тенденции, рассматривающих человека как объект среди множества объектов (объект здесь не подразумевает объект для субъекта, а сам объект вне зависимости от какой-либо субъективности), в ходе представления их гипотез прямого доказательства или аргумента, объясняющего отношения между субъектом и объектом вне интернальности (субъективности) нет.

Теперь стоит вернуться к представлению нашей модели текстуального подхода, так как это будет необходимо для выяснения дальнейших ответов на критику.

Исходя из вышеизложенного, мы построили текстуальную модель восприятия человеком реальности, в ее первичной форме, как она дается человеку на первом этапе познания и взаимодействия с объектом, и было выведено, что эта первичная форма реальности есть определенного рода знаковая реальность, также мы назвали эти знаки как «первичные знаки». Безусловно мы понимаем, что феномены реальности, в которой субъект находится и реконструируются им, никогда не состоят лишь из первичных знаков, они всегда комплексны. Каждый феномен состоит из различных уровней знаков. Это значит, что любой феномен есть текст, имеющий различные уровни смысла и открытый для множества интерпретаций и моделей описания, соответствующих уровням текста и его типу знаков, их глубин и слоистости.

Выше мы определили текст как определенную систему знаков или символов, у этой системы есть свои элементы, механизмы и динамики. Здесь мы говорим о тексте как общей первоначальной исходной форме даже по отношению к языку. Мы это можем найти в исследованиях Юрия Лотмана, который писал, что мы можем «считать текст исходным, а язык производным от него явлением. Это утверждение справедливо и исторически

(появление текстов этого типа, как правило, предшествует языку, текст создается «на никаком» или «еще не известном» языке, но в дальнейшем делается текстом на обычном и тривиальном языке), и теоретически. Во втором смысле оно означает, что текст есть не реализация некоторого языка, а генератор языков» [14, с. 104].

Текст - первичная форма восприятия, даже до языкового, состоящая из первичных знаков, которые пересоздаются в более развитые системы знаков на других уровнях, как внутри языка, и культуры, и их внутренних знаково-текстуальных систем, пересоздает саму первичную текстуальную реальность в другую более организованную, комплексную и имеющую различные смыслы и места в знаково-текстуальной реальности. Именно на этом и основываются такие высказывания как: язык конструирует реальность или реальность опосредуется языком, который творит внутри себя «образ мира».

Мы можем представить эту сложную иерархию, если уместно так выразиться, разного рода знаков, создавших различные уровни и многослойность текстов, как огромные поля или сети находящиеся друг над другом, но не отделённые как в археологических слоях, а как взаимопроникающие между собой во всей широте их бытия, не в равной степени и не по определенной закономерности или системности проникающие друг в друга и динамически развивающиеся и изменяющиеся, образуя очень комплексную структуру (текста), нередуцируемую в упрощениях. Элементы этой структуры, т.е. знаки или референты, всегда ссылаются на другие знаки, другие означающие, представляющие собой интерпретации или иные уровни смысла, без конечного означаемого, поскольку начальная форма восприятия знаковая, т.е. ссылающаяся на другого. Итак, все означаемые есть лишь другого уровня означающие, поскольку они есть интерпретации, или, по Пирсу, «интерпретанты», как знаки другого уровня.

Эти поля текста, находящиеся в состоянии запутанности, формулируются в определенной системности или обретают определенную форму только в процессе чтения, интерпретации, конструкции и организации их субъектом, используя различные методы, которые выявляют те или иные места, грани этих полей.

Культура, в нашем подходе, представляет собой основные и огромные поля человеческой реальности, текст, формирующий разные поля, в которых имеются различные уровни знаков, символов и смыслов, это генератор текстов разного типа и уровнях. Текст культуры и выявление его структур, явлений, механизмов и анализ его проявлений, проникающих в его различные структуры (психические, материальные и т.д.) и есть главный предмет и задача нашего текстуального подхода.

Вот такое богатое представление о доступной реальности и огромной активной роли субъекта, читателя-конструирующего и интерпретатора, дает наш текстуальный подход.

Таким образом, мы представляем такую кардинальную версию текстуального подхода, модель для понимания реальности как Текст, не в метафоричном смысле, как мы видели это у многих исследователей в начале статьи, а кардинальную всестороннюю модель реальности, за рамками которой нет ничего. Сейчас мы можем понять то, что писал Деррида: «Нет ничего вне текста: это означает, что текст не просто речевой акт. Этот стол для меня текст. То, как я воспринимаю этот стол — долингвистическое восприятие, — уже само по себе для меня текст» [15].

Наш главный тезис заключается в том, что Текст – это форма существования объектов, вещей-для-нас, это форма нашего восприятия и конструирования реальности, такие как образы, знаки, символы, за рамками которого не доступно субъекту ничего. Текст – это форма нашего бытия.

Но, важно обратить внимание и на Ничто – неформулируемое в представлениях и невыразимое языком, то, что дано субъектом как порог, границы из которых невозможно, по определению, выходить, и являющееся импульсом создания текстов, которые расщеплены им, но само никогда не отдается, вечно ускользающее от субъекта. На него

необходимо обратить внимание, поскольку оно влияет на формирование текстов, оставляя свои следы в нем.

Итак, сейчас мы можем вкратце представить ответы на другие направления, критикующие подход текстуальности, или заменяющие его другими подходами, такие направления как визуальный поворот, аудиовизуальный поворот или аудиальный подход (голосоцентризм), как, например, у словенского психоаналитика и философа Младена Долара в его работе «Голос и ничего больше» [16].

Визуальный поворот, например, как утверждают, пришёл на смену лингвистического или текстуального в изучении культуры и других предметов через визуальность (искусство, фотография, кино, архитектура и т.д.), но исходя из вышеизложенного мы понимаем, что область визуальности есть не более чем часть текстуальной реальности. И таким образом, все исследования в ходе визуального поворота находятся внутри текста, а не вне его, так как все области визуальности, например, видео-арт, телевидение, медиа-арт, инсталляции, перформанс и др., есть ничто иное как текст. И это также относится к аудиальному подходу или голосоцентризму; все эти исследования являются исследованиями особого рода текста. Поэтому они не могут заменять знаково-текстуальный подход. Именно потому, что их предмет исследования является частью области, которая затрагивает сам текстуальный подход.

Все методы, используемые в визуальном, аудиовизуальном или аудиальном подходе можем считать, используются в контексте текстуального подхода, как исследования особого рода текста. Эти исследования, безусловно, имеют большую ценность и их результаты очень важны для исследования Текста-культуры.

Итак, мы подходим к концу нашего обоснования текстуального подхода и ответов на основные направления, критикующие его. Нам остаётся только вкратце и тезисно изложить примеры его применения в области культуры.

Наш подход для понимания культуры, ее явлений и механизмов, применяет различные методы в исследовании, не только, но в основном, методы для понимания, анализа и интерпретации текстов, такие как постструктуралистские методы и понятия, раскрывающие механизмы текста (в том числе и текста культуры). И также различные методы, используемые в философском, психологическом, психоаналитическом и культурологическом анализе и т.д.

В качестве заключения тезисно изложим только некоторые выводы, получаемые в результате применения этого подхода и некоторых выбранных нами методов. Эти выводы или тезисы являются только малой частью нашей теории.

Любая культура является текстом, который состоит из множества различных текстов в качестве основных символических и знаковых систем или институтов, дискурсов, исторических событий, артефактов, языковых текстов, дискуссий и многого другого. Текст-культуры формируется в их взаимосвязи и взаимоотношении.

В структурализме считали, что в каждом тексте есть одна центральная точка, идея, на которой построен текст. Мы, в свою очередь, считаем, что одного центра нет и быть не может. Все что есть – это множество фрагментов и их различие.

В Тексте-культуре есть как основные тексты, которые оказали большое влияние на контекст развития той или иной культуры, так и менее важные элементы (тексты).

Текст каждой культуры – это один из нескольких текстов, формирующих гипер-текст мировой культуры или человеческой цивилизации.

Тексты-культуры, составляющие мировой текст, также как внутри самих текстов-культуры, взаимосвязаны механизмом «интертекстуальности».

Каждый текст-культура не есть оригинальный, поскольку в нем есть многие другие тексты из разных культур, предшествующих и современных, но он есть уникальный, его уникальность состоит в том, как связаны в нем внутренние тексты.

Интертекстуальность не позволяет любому тексту считать себя автономным. Интертекстуальность в культурном бытии как феномен, показывающий обмен текстами, знаниями и опытом между культурами, утверждает, что культуры открытые, взаимосвязанные и имеют всеобщий текст.

Следовательно, культура представляет собой очень сложный многослойный текст, комплексную систему, в которой играет роль очень много разных факторов и событий (малых текстов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие. М. 1993. с. 259-273.
2. Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. В. Руднева. М. 2005. 440 с.
3. Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург. 2007. 608 с.
4. Кемеров В. Е. Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. М. 2020. 823 с.
5. Лотман Ю. М. Текст и функция // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин. 1992. С. 135-139.
6. Гирц К. Интерпретация культур. М. 2004. 560 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. 2000. 704 с.
8. Foster H. The Return of the Real. Cambridge: MIT Press, 1996. 328 p.
9. Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н.О. Лосского. М. 1999. 655 с.
10. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. М. 2015. 196 с.
11. Meillassoux Q. Time without Becoming. Mimesis International, 2014. 52 p.
12. Гайко Г.Г., Бойко А.А. К вопросу о взаимоотношении объектов в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 1. С. 5-13.
13. Petersen A. The Philosophy of Niels Bohr // Bulletin of the Atomic Scientists. 1963. Vol. 19. Issue 7. P. 8-14.
14. Лотман Ю. М. Текст как динамическая система // Структура текста - 81. Тезисы симпозиума. М. 1981. С. 104-105. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-81.htm?ysclid=ld1jb2e9t6422033818> (дата обращения: 08.11.2022).
15. Интервью с Жаком Деррида // Мировое древо. М. 1992. № 1. С. 74-135.
16. Долар. М. Голос и ничего больше / Пер. А. Красовец. СПб., 2018. 384 с.

REFERENCES

1. Heidegger M. Put k iazyku [One the Way to Language]. Moscow. 1993. P. 259 - 273. (In Russian)
2. Wittgenstein L. Izbrannye raboty [Selected works]. Moscow. 2005. 440 p. (In Russian)
3. Derrida J. Disseminatsiia [Dissemination]. Ekaterinburg. 2007. 608 p. (In Russian)
4. Kemerov V. Sovremennyi filosofskii slovar [Contemporary Dictionary of Philosophy]. Moscow. 2020. 823 p. (In Russian)
5. Lotman J. Tekst i funktsiya [Text and Function]. In: Lotman J. Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. I. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Selected articles in three volumes. V. I. Articles on semiotics and topology of culture]. Tallinn. 1992. P. 135 –139. (In Russian)
6. Geertz C. Interpretatsiia kul'tur [Interpretation of Cultures]. Moscow. 2004. 560 p. (In Russian)
7. Lotman J. Semiosfera [Semiosphere]. Saint Petersburg. 2000. 704 p. (In Russian)
8. Foster H. The Return of the Real. Cambridge, MIT Press, 1996. 328 p.
9. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]. Moscow. 1999. 655 p. (In Russian)

10. Meillassoux Q. *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Moscow. 2015. 196 p. (In Russian)
11. Meillassoux Q. *Time without Becoming*. Mimesis International, 2014. 52 p.
12. Gaiko G., Boiko A. *K voprosu o vzaimootnoshenii obektov v obektno-orientirovannoi ontologii Grema KHarmana* [On the relationship of objects in Graham Harman's object-oriented ontology] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofii. Psikhologii. Sotsiologii*, [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology."]. 2020. № 1. P. 5-13. (In Russian)
13. Petersen A. *The Philosophy of Niels Bohr* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1963. Vol. 19. Issue 7. P. 8-14.
14. Lotman J. *Tekst kak dinamicheskaiia sistema*. [Text as a dynamic system]. In: *Struktura teksta - 81. Tezisy simpoziuma*. [The structure of the text 81. Abstracts of the symposium.]. Moscow. 1981. P. 104-105. [Electronic resource]. URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-81.htm?ysclid=ld1jb2e9t6422033818> (accessed 08 November 2022). (in Russian)
15. *Interv'iu s ZHakom Derrida* [Interview with Jacques Derrida] // *Mirovoe drevo* [Arbor Mundi]. Moscow. 1992. №. 1. P. 74-135. (In Russian)
16. Dolar Ml. *Golos i nichego bol'she* [A Voice and Nothing More]. Saint Petersburg. 2018. 384 p. (In Russian)